

УДК 340.128

DOI: 10.17223/22253513/31/2

И.В. Левакин

**О МАРКСИЗМЕ, ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.
И ПРАВОВЕДЕНИИ (НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
В СВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ В.Л. ТОЛСТЫХ)**

Рассмотрению взаимосвязанных вопросов теории марксизма, практики революционной борьбы в России начала XX в. и научному (в том числе правовому) осмыслению воплощения марксистского проекта была посвящена статья профессора В.Л. Толстых «Марксизм, Октябрьская революция и правоведение» (Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 9–20). Некоторые размышления в связи с данной проблемной работой и поднятыми в ней вопросами изложены в предлагаемом читателю материале.

Ключевые слова: марксизм, капитализм, социализм, революция, правоведение.

100-летие Октябрьской революции 1917 г. было широко отмечено не на государственном уровне (изменился общественный строй, излишни возможные аллюзии), но на уровне научной общественности. Так, в 2018 г. прошло несколько конференций, посвященных марксизму: 21 февраля 2018 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП) состоялась конференция «Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса» (к 200-летию со дня рождения К. Маркса); отделом теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия 16–20 апреля 2018 г. проведена XIII Международная научно-практическая конференция «Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: проблемы теории и практики», в ее рамках прошел учебно-методический семинар по теме: «Марксистская теория права и современность». Мне удалось посетить перчисленные и некоторые другие тематические мероприятия.

Кроме конференций юбилей Октябрьской революции был отмечен рядом интересных публикаций. В 2018 г. вышли глубокие и проблемные работы Б.С. Эбзеева [1], С.М. Шахрая [2] и других известных российских правоведов. Основные идейные направления выступлений и публикаций следующие: «Одни описывают Революцию как обычный переворот, а историю СССР – как попытку партийных функционеров удержаться у власти. Другие делают акцент на терроре, коллективизации и других насильственных мерах, не замечая позитивного опыта. Третьи выводят на первый план частную жизнь Николая II, Ленина, Сталина и др., представляя советский проект как результат их психических отклонений. Четвертые подчеркивают роль Революции в защите прав угнетенных, по сути, отождествляя ее с ли-

беральным проектом. Наконец, пятые предпочитают просто не замечать этого события под предлогом его архаичности» [3. С. 9].

Действительно, многие авторы, особенно ораторы, выступившие на конференциях, откровенно пристрастны в оценке марксизма и его идейной связи с Октябрьским переворотом 1917 г.¹. Зачастую пристрастность перерастает в крайние интерпретации марксизма: огульную критику или заскоружное начетничество. Тем не менее в большинстве случаев, как, например, у вышеназванных авторов статей, речь идет об объективно неизбежном аспектном анализе революционного движения в России начала XX в. и марксизма как учения, претендующего на открытие основных законов социальной действительности и ее преобразования революционным путем. Понятно, что даже для описания, а тем более исследования, событий октября 1917 г., приведших к построению общества реального социализма и в конечном счете к крушению первого в мире социалистического государства, нужен многотомный фолиант. Разумеется, такой труд в сфере социальной науки должен быть комплексным (социально-философским, экономическим, социологическим, юридическим и т.д.), но боюсь, что и он не избежит односторонних выводов и, следовательно, потребует своего продолжения, своеобразного «отрицания отрицания»².

Как ни парадоксально, «одним из самых слабых мест в советском марксизме было именно объяснение русской революции» [4. С. 790]. Советская «партийная» обществоведческая наука, действовавшая под строгим идеологическим контролем, не могла объективно и комплексно взглянуть на идейные воззрения большевиков, революционные события 1917 г., закономерности развития советской системы и негативные социально-экономические процессы, влекущие СССР к катастрофе. Многочисленные учебники по истории советского государства и права, марксистской теории государства и права, работы по диалектическому и историческому материализму ретушировали недостатки советской власти³. Недоступная широкой общественности альтернативная литература («тамиздат» и «самиздат») не имела существенного влияния на общественные процессы, несмотря на вопиющую прозорливость. Например, провидцем оказался А. Амальрик, который в 1969 г. (!) написал книгу «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» [5].

¹ «Октябрьский переворот» – именно так называл в своих ранних произведениях события ноября 1917 г. И.В. Сталин – лишь по своим последствиям стал «Великой Октябрьской социалистической революцией» (по тексту статьи – Октябрьской революцией).

² Такая работа под силу разве что Институту марксизма-ленинизма (центральное партийное научно-исследовательское учреждение при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза, которое существовало в 1921–1991 гг.).

³ В том, что среди них были научные труды, соответствующие необходимым признакам, сомнений лично у меня нет. Даже «Краткий курс истории ВКП(б)» 1938 г., составленный при личном участии И.В. Сталина, при всех своих недостатках имеет научно-историческое значение, которое именно сегодня видится наиболее ясно.

Современная российская обществоведческая доктрина также мало занимается исследованиями революционного марксизма и советской системы «в силу других причин: во-первых, из-за отсутствия твердой идеологической и философской основы; во-вторых, в силу хронического конъюнктурного характера и некоторой интеллектуальной неспособности» [3. С. 10]. Исключение составляют труды Г.В. Мальцева, В.С. Нерсисянца, В.М. Сырых и некоторых других авторов. Мне посчастливилось работать и общаться с перечисленными выдающимися социальными философами. Их взгляды порой диаметрально противоположны: Г.В. Мальцев в конце жизненного пути пришел к религиозным идеям, противоречащим материалистическому восприятию действительности; В.С. Нерсисянец, создавший либертарную теорию права, резко критиковал концепцию «социалистического права»; ныне здравствующий (долгих лет и творческих успехов!) В.М. Сырых развивает материалистическую теорию права. Однако идеологические расхождения данных авторов не снижают научной ценности их трудов, позволяющих объективно разобраться в прошлом нашей страны.

Для меня нет сомнений в том, что опыт Октябрьской революции 1917 г., попытки строительства социализма – положительный и отрицательный – важен для настоящего и будущего России и всего мира. Некоторые современные работы значимо актуализируют его и требуют пристального внимания. Так, в 2018 г. вышла глубоко фундированная, концептуальная статья заведующего кафедрой международного права Новосибирского государственного университета, ведущего научного сотрудника Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук В.Л. Толстых (Марксизм, Октябрьская революция и правоведение // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 9–20¹), посвященная анализу взаимосвязанных объектов исследования: марксизма как учения, под лозунгами которого была осуществлена Октябрьская революция 1917 г., и правоведения, в основном в его советской интерпретации.

Смысловая матрица работы, изложенная уже в аннотации, следующая: в России была предпринята неудачная попытка реализовать марксистские идеи на практике, в том числе в области преобразования права и государства; советское правительство осуществило контрреволюцию; в этой связи СССР нельзя считать реализацией марксистского проекта. В обоснование данных тезисов автор статьи приводит достаточно логичную аргументацию. Со многими тезисами можно согласиться, некоторые являются объективно спорными, но все они задают тему для содержательной дискуссии.

Профессор В.Л. Толстых указывает на главные идеи марксизма: присвоение прибавочной стоимости, отчуждение человека, пролетарская революция, строительство коммунизма и др. С определенными оговорками, учитывая ограничения в объеме работы, этот перечень можно принять.

Вместе с тем, полагаю, что в работах, посвященных связи марксизма и революции, в качестве основополагающего начала должна быть подчерк-

¹ Также текст статьи В.Л. Толстых можно найти в справочно-правовой системе «ГАРАНТ».

нута непреходящая заслуга К. Маркса – разработка исторического материализма в качестве теории развития общества, методологии его познания и преобразования¹. Именно методология делает марксизм по-настоящему *оригинальным*: «...Все миропонимание... Маркса – это не доктрина, а метод². Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» [6. С. 352]. Также следует акцентировать мысль о том, что исторический прогресс общества при движении к коммунизму предполагает классовую борьбу, революционное насилие и диктатуру пролетариата. Без выделения взаимосвязи данных идей К. Маркса и его продолжателей просто невозможно понять доктринальные основы мировоззрения непосредственных руководителей Октябрьской революции 1917 г., научный характер построения советского общества.

По поводу «методологической небезупречности марксизма» [3. С. 12], на которую указывает В.Л. Толстых, можно заметить следующее: абсолютно совершенных социальных теорий не существует, но развитый в марксизме исторический материализм, несомненно, ведущий научный метод познания социальной действительности, которому и сегодня нет достойной альтернативы. Если в области юридических исследований применение исторического материализма не привело к желаемым результатам, то, возможно, это вина субъектов, ошибочно использовавших данный метод применительно к сложному объекту – государственно-правовой действительности. В РСФСР, СССР методологию исторического материализма в области правоведения пытался применить Е.Б. Пашуканис, но его разработки оказались незавершенными, от многих ранних своих идей ему пришлось публично отречься, а сам он погиб как «враг народа», не доведя свою теорию до логического завершения [7]. Сегодня видным продолжателем материалистического направления правоведения является В.М. Сырых, в трудах которого, таких как «История и методология юридической науки», «Логические основания общей теории права», можно найти ответы на многие вопросы познания государства и права. Непосредственно рецепции теории и практике применения марксизма в России посвящена с его работа «Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия)» [8].

В.Л. Толстых воспроизводит известную мысль, согласно которой марксизм недостаточно упорядочен, так как «его философские, политические и экономические элементы распределены по разным работам и часто не свя-

¹ Опираясь на анализ Ф. Энгельса, в теории К. Маркса обычно выделяют два основополагающих момента: учение о прибавочной стоимости и материалистическое понимание истории. В советских пособиях по общественным наукам исторический материализм преподносился главным образом в варианте, созданном Н.И. Бухариным и его школой.

² Методология К. Маркса позволила ему оригинально осмыслить многочисленные источники (статистику, законодательство и т.д.), наиболее прогрессивные социально-экономические доктрины. Связь марксизма с другими социальными теориями – необходимый, объективный факт, характеризующий любое эволюционировавшее социальное учение.

заны друг с другом» [3. С. 12]. Действительно, многим авторам это обстоятельство открывает простор для различных интерпретаций, в том числе жонглирования цитатами, что называется «ad hoc». Полагаю доказанным, что работы К. Маркса необходимо изучать комплексно, причем как минимум во взаимосвязи с работами Ф. Энгельса, далее, применительно к ситуации в России, – Г.В. Плеханова, В.И. Ленина. Маркс-философ, Маркс-экономист, Маркс-журналист писал как актуальные, привязанные к конкретной ситуации в Германии, Англии, Франции и других странах, так и фундаментальные мировоззренческие труды общечеловеческого значения. К. Маркс не писал учебных и академических работ (разве что его диссертация с соответствующими авторскими оговорками по стилистике); трудно себе представить, что бы вышло из-под его пера, если бы он вознамерился написать систематизированную инструкцию по применению своей теории в любой стране и в любой исторический период. Таким образом, практики Октябрьской революции в России – В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Я.М. Свердлов и др. – уже после смерти К. Маркса имели под рукой его произведения – руководство к *творческому действию*, а не догму: «марксизм – философия практики» [9. С. 100].

Альтернативность марксизма либерализму, на которой настаивает В.Л. Толстых, – также предмет для споров¹. В конце XX в. они (либеральная идея (частная собственность, права и свободы, формальное равенство и т.п.) и идеология коммунистического этатизма (обобществление собственности, классовый подход)) действительно антагонисты. Но, рассуждая конкретно-исторически, мы представляем несколько другую картину. Для архаики – абсолютистского феодального режима, генетически связанного с крепостничеством, а затем политическим и экономическим бесправием огромного большинства, – марксизм с его лозунгами равенства (на практике перешедшего в уравниловку), всеобщей воли (трансформировавшейся в общак), – это путь к модерну – определенной, по крайней мере идейной, свободе. В том числе поэтому многие легальные русские марксисты, признававшие капитализм прогрессивным, стали основой партии кадетов. Так что истина конкретна, и для исторической России XIX в. марксизм был вариантом освободительной западной философии, «обрусевшей» в процессе адаптации к российской действительности.

Известен тезис, согласно которому марксизм на русской почве подвергся некорректным интерпретациям. Еще А.Л. Парвус писал в 1918 г.: «Если марксизм является отражением общественной истории Западной Европы, преломленной сквозь призму немецкой философии, то большевизм – это марксизм, выхолощенный дилетантами и преломленный сквозь призму русского невежества» [10. С. 109]. Сегодня В.Л. Толстых полагает, что русские революционеры, интересовавшиеся преимущественно политическими аспектами марксизма, редуцировали его и создали новую теорию, «гибрид марксизма и гоббсианства» [3. С. 14].

¹ Еще Э. Бернштейн видел в социализме продолжение и развитие традиций либерализма, борьбу за свободу всех, достигаемую путем выравнивания в социальной сфере.

Что можно на это ответить? Во-первых, в работах Т. Гоббса действительно можно найти обоснование трех основных идеологий Нового времени: либерализма, фашизма и коммунизма. Во-вторых, русские революционеры придерживались различных направлений марксизма (среди них были анархисты, эсеры, меньшевики и др.); с отдельными произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса в оригинале были знакомы еще Герцен, Белинский и петрашевцы. В-третьих, говорить о редуцировании марксизма или о какой-то его интерпретации в контексте любой теории, т.е. об упрощении, возможно, лишь имея представление обо всей полноте «классического / канонического» марксизма. Полагаю, что такого канонического марксизма нет и быть не может. Кроме того, чтобы в точности реализовать «классический» марксизм, нужен идеальный человеческий материал – интеллектуалы, познавшие тонкости гегелевской диалектики и прочих источников, его «составных частей». В-четвертых, действительно, акторы Октябрьской революции больше нуждались не в научном коммунизме (марксизме), а в его прикладной идеологии, в своей лозунговости ясной широким народным массам: «Мир народам, фабрики рабочим, земля крестьянам, вся власть Советам!». Сам же марксизм никогда не был мировоззрением порой малограмотных трудящихся (подавляющего числа крестьянства). Что же, теперь винить русских революционеров за то, что из вчерашних крепостных они за один миг не воспитали «классических» марксистов? Другого народа, способного понять и «удачно» воплотить марксизм, у них не было.

В своей статье В.Л. Толстых рассмотрел три связанных предмета: 1) содержание марксистского учения и особенности его рецепции русскими революционерами; 2) общие закономерности развития советского строя и характер советского государства; 3) дискуссию об отмирании государства, имевшую место в первые годы существования СССР, и ее влияние на последующее развитие отечественного обществоведения, включая правовую науку. Столь глобальная проблематика (может быть, изложенная лишь тезисно) вызывает несомненный интерес, нуждается в дополнительных размышлениях.

1. Содержание марксистского учения многогранно, в изменяющихся исторических и страновых условиях предоставляет простор для различных видов толкования и верификации – теоретической (академической) и практической (политической). Рецепция (усвоение и приспособление) марксистского учения русскими революционерами была детерминирована российской действительностью: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [11. С. 119].

Практически по каждому вопросу содержания марксистского учения есть альтернативные точки зрения¹. Например, В.Л. Толстых, указывая на

¹ Еще в начале XX в. К. Каутский, Р. Люксембург, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин обвиняли друг друга в оппортунизме, отступлении от начальных постулатов марксизма. Очевидно, что марксизм всегда ревизован практикой, поскольку именно практика разносит «в пух и прах» теоретическую необходимость и регулярность.

недостатки марксизма, взывает к К. Марксу, чтобы тот, вводя концепцию отчуждения, объяснил ее «метафизический уровень» [3. С. 12]. Но Маркс и марксисты положили немало сил для разоблачения идеализма и метафизики, поэтому требовать от материалиста-диалектика Маркса метафизики – не что иное, как современная мода зашедших в методологический тупик постмодернистов. Такое требование сродни претензиям к юридическим позитивистам объяснить различие права и закона. В том-то и дело, что Маркс не ставил метафизических задач в том смысле, в котором их ставят идеалисты и их разновидности – современные постмодернисты. Аналогично позитивисты не ищут различий между правом и законом, как это делают представители договорной теории, которую также, по мысли В.Л. Толстых, должен был разоблачить К. Маркс. Какого еще лучшего разоблачения договорной теории, как и всех прочих «буржуазных» теорий, чем «Происхождение семьи, частной собственности и государства», требовать если не от Маркса, то от марксистов?

Общее место, которое воспроизводит В.Л. Толстых со ссылкой на авторов критического философского направления (Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймер), – К. Маркс де «преувеличивает роль экономики и недооценивает роль культуры» [3. С. 12]. Об этом написано уже достаточно. Но даже К. Поппер полагал «... что практически все социальные исследования – институциональные или исторические – могут выиграть, если они проводятся под углом зрения их координации с “экономическими условиями” общества» [12. С. 126]. Ф. Энгельс неоднократно и доказательно опровергал ложно приписываемые историческому материализму положения об исключительном воздействии экономики на все содержание истории, об автоматичности процесса исторического развития и об отрицании всякой активной роли надстроечных явлений. С точки зрения К. Маркса, экономика «лишь в самом конечном (!) счете» определяет надстроечные явления при их активном обратном влиянии [13. С. 370]. В этом ценность марксизма, еще одна из важнейших причин его *оригинальности* в качестве учения. Именно марксизм выявил то главное звено (производственные отношения как материальные, характер которых детерминирован производительными силами общества и не зависит от воли и сознания людей), потянув за которое можно раскрыть сущность общественных отношений. Да и что бы дали исследования культуры Германии, Англии середины XIX в. для реализации марксистских идей в России и других странах в начале XX в.?

Теоретические проблемы марксизма можно обсуждать бесконечно, но каковы характеристики приспособления данной теории к российским условиям? Во-первых, русские революционеры, участвовавшие в свержении царского самодержавия, затем и Временного правительства, далеко не все были марксистами (смены власти и в конечном счете своей судьбы хотели многие). Во-вторых, даже большевики реализовывали не «чистый» марксистский проект, а первую Программу РСДРП, принятую в 1903 г.¹

¹ В обсуждении программы РСДРП на II съезде РСДРП в 1903 г. неоднократно упоминались идеи К. Маркса, но в самой Программе Российской социал-демократической рабочей партии, принятой на втором съезде партии, таких упоминаний нет. Была заложена возможность построения социализма в одной стране (чего не было у К. Маркса).

резолуции III съезда РСДРП 1905 г.¹ Но и в своих важнейших документах (декреты «О мире», «О земле» и др.), принятых после прихода к власти, программные установки были скорректированы под воздействием тяжелой военно-политической ситуации².

2. Невозможно сколько-нибудь полно рассмотреть закономерности развития советского строя и характер советского государства в одной журнальной статье, тем более в ее части. Например, оригинальный советский, русский социальный мыслитель А.А. Зиновьев (его доклад мне удалось услышать в Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации в 2003 г.) посвятил данному вопросу значительную часть своих многочисленных произведений. Он исходил из того, что «...коммунистический строй для России не был случайностью, он был закономерным развитием того, что было до революции. До революции в России имели место следующие основы общества: отживающий свой век феодализм, молодой, нарождающийся и очень слабый капитализм (обычно только это и имеют в виду), но была и третья сила. Эта третья сила была государственность. Российское общество с самого начала и всегда было обществом, в котором доминировала государственность» [14].

Зарождение при В.И. Ленине и оформление при И.В. Сталине тоталитарной государственности было предуготовлено предшествующей тотальной революционной борьбой: террором, репрессиями, где интересам «общего дела – революции» были подчинены все без исключения. Для дальнейшего удержания власти во враждебном окружении буржуазных стран, подавления свергнутых эксплуататорских классов, проведения жизненно необходимой индустриализации большевики неизбежно и сознательно использовали доставшийся в наследство государственный механизм, что привело на определенном этапе к огосударствлению общества, формированию бюрократической собственности на средства производства, свертыванию слабых ростков демократии и т.д. [15]. Насилие, осуществляемое государством, позволяло какое-то время мобилизовать общество под контролем «вооруженных отрядов рабочих», но исчерпало себя по историческим меркам достаточно быстро.

Уже Н.С. Хрущев ставил «немарксистские» политические и экономические цели – либерализовать систему государственного управления, догнать и перегнать развитые капиталистические страны по производству мяса, молока и т.д. Однако советский строй и государство вне перманентной насильственной мобилизации (революционной, военной) оказались неспособными преодолеть закономерные пороки своего устройства [16]. Государство, подконтрольное партийной бюрократии, неизбежно тормозило развитие общества: экономика замедлялась неповоротливой планово-

¹ См.: Резолюции III съезда РСДРП, а также проекты резолюций, подготовленные В.И. Лениным.

² Например, был забыт лозунг РСДРП о «самодержавии народа»: уже ст. 10 Конституции РСФСР 1918 г. провозглашала, что власть принадлежит только «рабочему населению страны».

административной системой, государственное управление – партийным доминированием, идеологическая сфера – вульгарным толкованием марксизма очередным съездом партии, социальная сфера – необходимостью содержать «лагерь социализма» и т.д. По сути, советская система хозяйствования «была практикой уничтожения критериев эффективности» [17. С. 367]. В конце концов брежневский «застой» сменили «гонка на катафалках», горбачевская «перестройка» и реставрация капитализма.

СССР смог решить лишь часть задач построения коммунистического общества, а некоторые пункты марксистской программы были вовсе проигнорированы. Например, проблема преодоления отчуждения обозначалась лишь на уровне лозунгов: «Народ и партия едины»; «Искусство принадлежит народу»; «Все во имя человека, для блага человека». Не были ликвидированы бюрократия, право, товарно-денежные отношения, аппарат принуждения и т.д. Главное, была усовершенствована государственная машина «... вместо того, чтобы сломать ее» [11. С. 206]. Таким образом, российская государственность около семидесяти лет существовала в неизбежно ревизионистской форме реализации марксистского проекта, получившего в западной доктрине название «советский коммунизм»¹.

3. Восходящая к работе Ф. Энгельса 1787 г. «Анти-Дюринг» полемика об отмирании государства, развернутая в постреволюционной России, носила не только научно-теоретический, безусловно, познавательный для развития определенных сторон обществоведческой науки, но и практический характер. Сами революционеры-строители нового общества понимали невозможность немедленного слома государственной машины. По данному вопросу В.И. Ленин писал: *«не может быть и речи об определении момента будущего “отмирания”, тем более что оно представляет из себя заведомо процесс длительный»* [18. С. 84]. И.В. Сталин выдвинул известный тезис об усилении классовой борьбы и сопротивления капиталистических элементов по мере построения социализма [19]. К отмиранию государства в коммунистическом бесклассовом обществе предстояло идти через развитие и укрепление государства диктатуры господствующего класса – пролетариата².

Взятая на вооружение концепция социалистического права также служила укреплению государственности: в концентрированном виде советский юридический позитивизм был выражен в известном определении

¹ Отрицание марксистских основ социализма в СССР представляет собой филологическую конструкцию, оправдывающую неудачу русской интерпретации марксизма. Защитной реакцией ортодоксальных марксистов на поражение системы реального социализма является отрицание факта воплощения социалистической идеи в СССР и странах социалистического лагеря: социализм был ненастоящий (госкапитализм), подлинный социализм предстоит только построить, реализовав идеи К.Маркса «правильно» и в полном объеме.

² Основоположники марксизма, в том числе В.И. Ленин, не ставили конкретные сроки построения коммунизма, это было опрометчиво сделано в Программе КПСС 1961 г., в которой пообещали коммунизм к 1980 г.

А.Я. Вышинского, озвученном на Первом совещании по вопросам науки советского государства и права, проходившем в 1938 г. Хотя советское правоведение претендовало на роль марксистской науки, но заимствование ею идей К. Маркса было формальным и избирательным. Правоведение было позитивистским, отождествляло право с нормой, исходило из «особой природы советского государства и права, проявляющейся в неантагонистическом характере общества, подлинной демократии, уменьшении роли принуждения, передаче многих функций общественным организациям, научном характере управления и др.» [3. С. 17].

Сегодня плоды дискуссий об отмирании государства и права – ценный исторический материал, результирующий невиданный социальный эксперимент. К сожалению, на уровне официальной науки этот результат предан забвению. После распада СССР подобные темы стали излишними, российская обществоведческая наука быстро избавилась от марксистской риторики. Верные «марксисты-ленинцы» стали сначала либералами-западниками, затем – патриотами-государственниками. Учебники марксистско-ленинской теории государства и права перелицевали в «теории права», «общие теории государства и права», оставив при этом неизменным их позитивистско-нормативистское содержание¹. Это не повлекло за собой избавления от дефектов методологии и ориентации на обслуживание государства; более того, эти недостатки усугубились и дополнились новыми – «размыванием научного аппарата, интеллектуальной деградацией, исчезновением содержательных дискуссий, слепым заимствованием западных концепций» [3. С. 18].

Во-первых, несмотря на крах системы реального социализма, марксистский проект не почил в бозе, ибо великая идея социального равенства вечна. Марксизм на сегодняшний день, пожалуй, самая острая, востребованная в среде европейских и американских (США, Латинская Америка) интеллектуалов концепция, направленная на обличение пороков буржуазного общества, соответствующих государства и права. Однако марксистское направление юридической науки нельзя назвать лидером обществоведческой мысли, в том числе из-за того, что многими исследователями предана забвению гениальная формула государственно-правового развития: «Правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа... наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель по примеру английских и французских писателей XVIII в. называет «гражданским обществом»...» [20. С. 6].

Во-вторых, от последователей, справедливо критикующих советский ортодоксальный марксизм, требуется актуальная интерпретация теорети-

¹ Альтернативные учебники зачастую страдают не меньшими пороками: заменяют теорию постмодернистским дискурсом, т.е. псевдоинтеллектуальной игрой слов, не объясняющей реальность.

ческого наследия К. Маркса, прежде всего связанная с осмыслением изменившейся социальной структуры современного глобального общества. Подобная попытка предпринята представителями Франкфуртской школы и другими неомарксистами, но и они не смогли убедительно ответить на главный вопрос: где тот новый класс, что способен революционным путем свергнуть власть капитала? Очевидно, что в передовых буржуазных странах обездоленного промышленного пролетариата, каким его наглядно видел К. Маркс, больше нет. Отсюда следующие вопросы: вытекает ли из этого, что ему есть равноценная замена в виде наемных работников – трудящихся сферы обслуживания, офисных служащих, бедняков из стран третьего мира; нужна ли новому антибуржуазному классу партия нового типа; подлежат ли пересмотру тезисы о революционном насилии и диктатуре пролетариата?

В-третьих, стоит ли в таком случае настаивать на реализации *всех* пунктов программы К. Маркса? Претерпел ли в эпоху технологических революций постиндустриального общества данный список неизбежные трансформации? Например, пункт об отмирании государства, по-видимому, уже реализуется, но в иной, чем предполагал К. Маркс, форме. Конкуренты государства – ордены нового феодализма: глобальные корпорации со своими знаменами (товарными знаками), корпоративными трансграничными нормами, руководителями-космополитами – уже во многом вышли из-под контроля национальных государств. Цифровые валюты грозят государственной денежной монополии, Интернет – монополии идеологической и т.д. Право тоже если не отмирает, то серьезно трансформируется (даже в «развитых» странах зачастую пасует перед религиозными нормами, нормами-обычаями, корпоративными нормами и т.д.). Особенно ясно эти процессы видны в международно-правовой отрасли: несоблюдение международных обязательств, отказ от выполнения решений судов международного правосудия – факты, с которыми трудно спорить.

В-четвертых, обоснованно ли из некоторых юридических учебников исключили разделы, посвященные марксистской концепции права и государства? Полагаю, что современная социальная наука, пусть даже в познавательных целях, обязана поддерживать марксистское направление, более подробно изучать его практику – революционное движение начала XX в., историю советского государства и права. Сведения о марксизме (классическом и современном) необходимы для формирования всесторонней, максимально объективной социальной науки: антикоммунисты должны знать разновидности тоталитаризма, сторонники левых идей – корректировать свои представления, исходя из современных реалий. Отсюда недопустимо исключение из программ и курсов лекций по философии, социологии, политологии, теории государства и права, философии права, конституционного права, международного права и других наук разделов о марксистской интерпретации общества.

Полезная, полемическая статья В.Л. Толстых продолжает теоретическую дискуссию о марксизме и революционном переустройстве общества, в том числе с помощью науки, открывающей законы общественного развития. Сегодня по обсуждавшимся выше тезисам больше вопросов, чем ответов. СССР был реализацией марксистского проекта в его русской интерпретации XX в., есть прочие – современные КНР, Вьетнам, КНДР, Куба и др., несомненно, будут и другие, для которых поднятые вопросы актуальны не только теоретически, но и практически.

Литература

1. Эбзеев Б.С. Великая российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право. 2017. № 7. С. 5–21.
2. Шахрай С.М. Право и революция. Сто лет спустя // Юридический мир. 2018. № 1. С. 64–66.
3. Толстых В.Л. Марксизм, Октябрьская революция и правоведение // Российский юридический журнал. 2018. № 1 (118). С. 9–20.
4. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М. : Алгоритм ; Эксмо, 2006. 1622 с.
5. Амальрик А.А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам : Фонд им. Герцена, 1970. 71 с.
6. Энгельс Ф. Письмо Вернеру Зомбарту в Берлин // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1966. Т. 39. С. 350–353.
7. Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М. : Наука, 1980. 271 с.
8. Сырых В.М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия). М. : Юрлитинформ, 2017. 516 с.
9. Грамши А. Тюремные тетради : пер. с ит. : в 3 ч. М. : Политиздат, 1991. Ч. 1. 358 с.
10. Парвус А. В борьбе за правду = Von Parvus. Im Kampf Um Die Wahrheit. М. : Альпина Паблишер, 2017. 147 с.
11. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 8. С. 115–217.
12. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги : пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М. : Феникс, 1992. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. 528 с.
13. Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1965. Т. 37. С. 369–372.
14. Зиновьев А. Интервью испанскому историку А.Ф. Ортису. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2151>
15. Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк : Фредерик А. Прегер, 1961. 245 с.
16. Троцкий Л.Д. Перманентная революция. СПб. : Азбука-классика, 2009. 224 с.
17. Самарская Е.А. К. Маркс и постиндустриальные социалисты // Карл Маркс и современная философия : сб. материалов науч. конф. : к 180-летию со дня рождения К. Маркса. М. : Ин-т философии РАН, 1999. С. 364–375.
18. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1974. Т. 33. С. 1–120.
19. Сталин И.В. Об индустриализации и хлебной проблеме : речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 11. С. 157–187.
20. Маркс К. Предисловие к «Критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 13. С. С. 1–167.

Levakin Igor V., Moscow State Institute of international relations (Moscow, Russian Federation)
ABOUT MARXISM, THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 AND JURISPRUDENCE (SOME REFLECTIONS IN CONNECTION WITH THE ARTICLE BY V.L. TOLSTYKH)

Keywords: Marxism, capitalism, socialism, revolution, jurisprudence.

DOI: 10.17223/22253513/31/2

The 100th anniversary of the October revolution of 1917 in Russia was widely celebrated by the scientific community. The article «Marxism, the October revolution and legal science» (Russian law journal. 2018. №1, pp. 9-20) written by V. L. Tolstykh, a famous Russian lawyer, head of the Department of International law of Novosibirsk State University was devoted to the consideration of the interlinked issues of the theory of Marxism, the practice of revolutionary struggle of the beginning of the 20th century and scientific (including legal) understanding of the implementation of the Marxist project. Some reflections in connection with this challenging work and the questions raised in it are set out in the offered material.

The main purpose of this article is a discussion on the content of the Marxist doctrine and its practical implementation in the October revolution of 1917; features of a socialist social order and nature of the Soviet State; the influence of Marxism on the development of national Soviet and post-Soviet legal science.

By means of a historical and logical method the main ideas of Marxism: the appropriation of surplus value, alienation of the person, proletarian revolution, construction of communism, the role of violence in revolutionary struggle, etc. are analyzed. The questions of ideology of the Russian revolutionaries of the beginning of the 20th century, revision of Marxism, realization and crash of the Marxist project in the USSR are investigated.

The problem discussion resulted in the uncovering or confirmation of some facts. The Marxist project which crashed in Russia in the 20th century was not annihilated in the 21st century. Modern Marxists are required to give such a constant and creative interpretation of it that is primarily associated with the perception of the changed structure of a modern society (the lack of a cohesive, revolutionary class – the industrial proletariat). Points of the program of revolutionary transformation of society developed by K. Marx in the 19th century should be revised in the 20th century and his reflections concerning dying off of the state and law should be radically changed taking into account modern realities.

Modern social science (and its integral part – jurisprudence) even for the cognitive purposes, is obliged to support researches of the Marxist direction. You need to know the Marxist theory for the formation of a comprehensive, most objective social science (anticommunists have to know kinds of totalitarianism, the communists – to correct their views, proceeding from modern realities). It is necessary to continue a theoretical discussion about Marxism and a revolutionary reorganization of the society.

Today, there are more questions, than answers on the problems discussed in article. The USSR was the implementation of the Marxist project in its Russian interpretation of the 20th century, there are others – the modern People's Republic of China, Vietnam, DPRK, Cuba, etc., undoubtedly, there will be also others for which the brought-up questions are urgent not only theoretically but practically as well.

References

1. Ebzeev, B.S. (2017) The Great Russian revolution, power and freedom: the ideological origins and constitutional dispensation. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 7. pp. 5–21. (In Russian).
2. Shakhray, S.M. (2018) Law and the Revolution. A Century Hence. *Yuridicheskiy mir – Juridical World*. 1. pp. 64–66. (In Russian).

3. Tolstykh, V.L. (2018) Marxism, the October revolution and jurisprudence. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 1(118). pp. 9–20. (In Russian).
4. Kagarlitsky, B.Yu. (2006) *Marxizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: not recommended for learning]. Moscow: Algoritm; Eksmo.
5. Amalrik, A.A. (1970) *Prosushchestvuet li Sovetskiy Soyuz do 1984 goda?* [Will the Soviet Union last until 1984?]. Amsterdam: Herzen Foundation.
6. Engels, F. (1966) Pis'mo Verneru Zombartu v Berlin [Letter to Werner Sombart in Berlin]. In: Marks, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 39. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. pp. 350–353.
7. Pashukanis, E.B. (1980) *Izbrannyye proizvedeniya po obshchey teorii prava i gosudarstva* [Selected works on General Theory of Law and State]. Moscow: Nauka.
8. Syrykh, V.M. (2017) *Neizvestnyy Lenin: teoriya sotsialisticheskogo gosudarstva (bez pristrastiya i podobostrastiya)* [Unknown Lenin: Theory of the Socialist State (Without Partiality and Servility)]. Moscow: Yurlitinform.
9. Gramsci, A. (1991) *Tyuremnye tetradi* [The Prison Notebooks]. Translated from Italian by G. Smirnov, V. Dmitrenko, Pavel Kozlov, E. Molochkovskaya, A. Orel, L. Popov, YU. Suvorov. Vol. 1. Moscow: Politizdat.
10. Parvus, A. (2017) *V bor'be za pravdu* [In the struggle for the truth]. Translated from German by M. Izyumskaya. Moscow: Al'pina.
11. Marks, K. (1957) Vosemnadsatoe bryumera Lui Bonaparta [Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. In: Marks, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 8. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. pp. 115–217.
12. Popper, K.R. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Translated from English by V.N. Sadovsky. Vol. 2. Moscow: Feniks.
13. Engels, F. (1965) Pis'mo Konradu Shmidtu ot 27 oktyabrya 1890 g. [Letter to Conrad Schmidt of October 27, 1890]. In: Marks, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 8. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. pp. 369–372.
14. Zinoviev, A. (n.d.) *Interv'yu ispanskomu istoriku A.F. Ortisu* [Interview to the Spanish historian A.F. Ortiz]. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/2151>.
15. Gilas M. (1961) *Novyy klass* [New Class]. New York: Frederick A. Preger.
16. Trotsky, L.D. (2009) *Permanentnaya revolyutsiya* [Permanent Revolution]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
17. Samarskaya, E.A. (1999) K. Marks i postindustrial'nye sotsialisty [K. Marx and postindustrial socialists]. In: Lapin, N.I. (ed.) *Karl Marks i sovremennaya filosofiya* [Karl Marx and Philosophy today]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. pp. 364–375.
18. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 33. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 1–120.
19. Stalin, I.V. (1949) *Sochineniya* [Works]. Vol. 11. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. pp. 157–187.
20. Marks, K. (1959) Predislovie k “Kritike politicheskoy ekonomii” [Preface to The Critique of Political Economy]. In: Marks, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 13. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. pp. 1–167.